

**ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И
ПРИСОЕДИНЕНИЕ БЫВШИХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

**THE GEOSTRATEGIC FACTOR OF THE FOREIGN POLICY OF
THE USSR ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND
THE ACCESSION OF THE FORMER SURROUNDINGS OF
THE RUSSIAN EMPIRE**

УДК 93/94

ДОМНИН Артем Игоревич

кандидат исторических наук

DOMNIN Artem Igorevich

Candidate of Historical Sciences

Аннотация. В статье в геостратегическом ракурсе рассматривается тема необходимости возвращения в состав исторической России окраин бывшей Российской империи. Рассмотрены основные составляющие внешней политики западных держав в отношении к Германии и Советскому Союзу, дается оценка инфраструктурных проблем и стратегической ценности

приобретенных территорий. Делается вывод о качественно новом уровне внешнеполитической деятельности советского государства, бескровно вернувшего важнейшие обширные земли с преобладающим русскоязычным населением.

Ключевые слова: пакт Молотова-Риббентропа; секретный протокол; лимитрофы; советская дипломатия; Странная война.

Abstract. *In the article, from a geostrategic perspective, the topic of the need to return the outskirts of the former Russian Empire to the composition of historical Russia is considered. The main components of the foreign policy of the Western powers in relation to Germany and the Soviet Union are considered, an assessment of infrastructural problems and the strategic value of the acquired territories is given. The conclusion is made about a qualitatively new level of foreign policy activity of the Soviet state, which bloodlessly returned the most important vast lands with a predominantly Russian-speaking population.*

Keywords: *The Molotov-Ribbentrop Pact; secret protocol; limitrophs; Soviet diplomacy; Strange war.*

1 сентября 1939 г., через четверть века после окончания Великой войны – как ее именовали в России – началась Вторая мировая война. Однако западные державы не открывали активных боевых действий против Германии, дипломатам которой за неделю до вторжения в Польшу удалось наладить отношения с Советским Союзом.

О природе Советско-германского соглашения, именуемого Пактом Молотова-Риббентропа, написано немало. Большинство российских историков считает этот союз исключительно тактическим, даже неким негласным соревнованием, в котором на кону стояли наиболее выгодные условия в грядущей схватке между двумя сторонами. Правительства Великобритании, Франции и Соединенных Штатов, архитекторов

Версальской системы, через 20 лет после уничтожения Германской империи в Первой Мировой войне, сами эту систему разрушили. Потакая Гитлеру и его национал-социалистическому, откровенно милитаристскому правительству, западные державы «проглотили» Австрийский аншлюс, Судеты, затем предали всю Чехословакию, увеличивая людские ресурсы и промышленные мощности Германии. Это походило на последовательное разрушение глобальной плотины, прорыв которой – война, сметающая все на своем пути.

Трудно поддающиеся логике сохранения мира действия западных держав привели к тому, к чему и должны были привести: в центре Европы стремительно рос монстр, внутри которого злобствовал дух реваншизма.

Раздавая гитлеровской Германии поблажки, западные державы оставались последовательно враждебными в отношении к сталинскому СССР. Попытки советской дипломатии общими усилиями остановить Гитлера не увенчались успехом: договариваться с советским правительством французы и англичане не желали. В Кремле очень быстро пришли к осознанию, что эпоха «мирного социалистического строительства» весьма скоро закончится: в непосредственной близости от советских границ возрождалось мощнейшее государство.

Здесь следует подчеркнуть, что почти двадцать лет потенциальные противники СССР на западе были весьма удалены: между ними и Советским Союзом существовала огромная буферная зона, преодолевать которую, даже агрессивной дипломатией, с обеих сторон вряд ли имело смысл. Без территориальных претензий (в т.ч. и таких, как «расширение жизненного пространства») не может случиться тотальной истребительной войны. Мирное же строительство СССР, даже при всех его очевидных социально-экономических изъянах, шло вразрез интересам западных держав. В этом отношении образование в Европе западного противовеса советскому могуществу приходилось очень кстати.

Сталин, разумеется, все это понимал, и другого выхода, кроме как, пусть и временно, но договориться с новым западным соседом, новым

геополитическим игроком, у него не было. Понимал он также и выгоду Гитлера, который, очевидно, семимильными шагами шел на конфронтацию с Великобританией и Францией и в предстоящей войне должен был обеспечить безопасность на востоке, т.е. исключить возможность присоединения СССР к блоку западных держав. Гитлер не желал повторять ошибку кайзера Вильгельма II, начавшего войну на два фронта. К слову, в том, что Великобритания и Франция с началом боевых действий непременно обратятся за союзом с СССР, ни у кого сомнений возникнуть не могло.

Наконец, Сталин понимал, что Советский Союз не готов к большой войне. Никаких иллюзий насчет потенциала военного союза с Великобританией и Францией (свежи были воспоминания о Первой Мировой войне) в СССР не питали. Впоследствии, с началом Второй Мировой, это подтвердилось: державы предали очередное славянское государство – Польшу, а французские и британские газетчики новому военному конфликту послушно дали скользкое и циничное наименование – «Странная война».

Понимая жизненную необходимость Гитлера непременно заключить временное соглашение (не союз!) с СССР, Сталин назначил и без труда обосновал цену пакта – возвращение бывших западных окраинных земель Российской империи, за исключением центральной Польши. Для Гитлера, готовившего в ближайшем будущем поход за обладание жизненным пространством на востоке, с геостратегической точки зрения новые приобретения СССР были невыгодны, но еще невыгоднее виделась война на два фронта, поэтому лидеру национал-социалистической Германии ничего другого, кроме как согласиться с требованиями Сталина, не оставалось. Ниже в геостратегическом ракурсе будет рассмотрено, как сталинское военное руководство воспользовалось полученной выгодой.

Подписав пакт и начав Вторую Мировую войну, Гитлер параллельно поддерживал видимость дружественных отношений с Советским Союзом, намекая даже на возможность некоего военного союза. К ноябрю 1940 г. руководство Германии якобы созрело на включение СССР в Тройственный

Союз, за который Молотову во время его пребывания в Берлине на переговорах предлагалась часть «обанкротившегося поместья», т.е. азиатские территории Британской империи, которые с захватом Англии должны были стать «бесхозными». Советскому Союзу обещали выход «к свободному от льда и действительно открытому океану» [3].

В своих воспоминаниях Черчилль совершенно серьезно указывает на возможность такого союза и его ужасных последствиях: «Трудно себе даже представить, что произошло бы в результате вооруженного союза между двумя великими континентальными империями, обладающими миллионами солдат, с целью раздела добычи на Балканах, в Турции, Персии и на Среднем Востоке, имея в запасе Индию, а Японию – ярого участника «сферы Великой Восточной Азии» [3].

В действительности же Сталин, естественно, отверг эти фантастические предложения. Интересы его были более «приземленные»: «дожать» (после тяжелой Зимней войны и вывода из страны немецких войск) Финляндию, присоединить Южную - Румынскую - Буковину, создать военную базу в районе Босфора и Дарданелл. Также были обозначены некие «притязания» на район «в общем направлении Персидского залива» и т.п. Таким образом, выдвигая вполне конкретные и реализуемые предложения, Сталин «прощупал» степень доброжелательности Гитлера. Ожидаемо немцы никак на это не отреагировали.

Вместе с тем, как отмечает генерал Типпельскирх, в Германии всерьез опасались советских притязаний на Венгрию, которая «после разгрома Польши» «стала у Карпат граничить с Советским Союзом». «Скрытая угроза для Венгрии со стороны стремящегося расшириться Советского Союза была неоспоримой», - добавляет Типпельскирх. [5, С. 235] Разумеется, на Венгрию СССР и не мог претендовать, т.к. страна не входила в состав Российской империи, в отличие от «румынской» Бессарабии и Буджака: обвинения в советских аппетитах на «маленькое придунайское государство» выглядят

абсурдными и были основаны на попытках Гитлера убедить самого себя в агрессивных намерениях СССР.

Весьма характерны и показательны рассуждения Черчилля о «хладнокровных» расчётах Советского Союза накануне схватки с Германией и упреки в полном безразличии к судьбе западных держав. Более того, повинуясь своему известному интересу к «мягкому подбрюшью Европы», Балканам, Черчилль пишет о возможности формирования некоего антигитлеровского Балканского фронта, в который при дипломатических усилиях Англии и СССР, должны были войти Турция, Румыния, Болгария и Югославия.

Подписание пакта Молотова-Риббентропа было единственным приемлемым вариантом в сложившейся международной обстановке. Однако расчеты Сталина на сколь-нибудь длительную войну на западе Европы оказались неверны. Англичане с французами не спешили открывать активные боевые действия во время гитлеровского похода на Польшу. Безучастно, если не считать малозначительные действия британского флота, западные «гаранты» наблюдали за захватом Дании и имевшей исключительную геостратегическую ценность Норвегии. Четыре майских дня союзники удерживали Нидерланды и «целых» 18 дней – Бельгию. Сама Франция продержалась один месяц, а Великобритания, самая большая в мире империя (и по площади, и по населению), осуществив силами военного и торгового флота эвакуацию войск, «закрылась» на своих островах, оставив континентальную Европу Гитлеру.

Таким образом, подписав пакт с СССР, благодаря советским гарантиям о ненападении, Германия довольно быстро стала хозяйкой значительной, экономически развитой и весьма населенной части континентальной Европы. Разумеется, успехи Гитлера не могли не вдохновить Японию. Советский Союз же теперь вынужден был форсированно готовиться к войне на два фронта, расположенных на расстоянии не менее шести тысяч километров друг от друга. При этом корректирование группировки советских войск в европейской

части и на Дальнем Востоке было весьма затруднено: в Сибири вся транспортная нагрузка ложилась на единственную железнодорожную магистраль.

Тем не менее, благодаря пакту Советский Союз получил Прибалтику, западные Белоруссию и Украину, Бессарабию и Северную Буковину, отодвинув границу на важнейших направлениях в среднем на 300 км. Это давало дополнительные возможности в войне с Германией. Но каким образом эти возможности были использованы советским руководством и как готовились новые западные рубежи СССР?

С появлением в составе Советского Союза новых западных областей перед военным руководством страны встали значительные проблемы организационного характера. «Потребовалось серьезно и срочно перестраивать оборону страны, в кратчайшие сроки освоить и укрепить новые приграничные районы», - отмечает в воспоминаниях Маршал Советского Союза А.М. Василевский [2, С. 99]. Однако при решении этих проблем, по словам Маршала Г.К. Жукова, «были допущены серьезные стратегические ошибки» [4, С. 231].

Одной из таких ошибок, проистекавшей из переоценки боевых возможностей сил прикрытия, стал просчет во времени «в отношении приведения в боевую готовность вооружений УРовских дотов и дзотов на рубежах старой государственной границы» [4, С. 234] (УР – укрепленный район – *А.Д.*). На худшее в военном руководстве страны не рассчитывали: никто не мог представить, что 250-300 км. противник успеет пройти быстрее, чем за десять дней – именно через такое время, согласно директиве Генерального штаба, укрепленные районы должны были быть готовыми встречать врага. В действительности наступление немцев оказалось столь стремительным, что, например, к ключевому Минскому УРу передовые германские силы вышли уже 26 июня, т.е. на четвертый день войны!

Территориальные изменения страны, как известно, происходили в два основных этапа: в конце 1939 г. были присоединены западные Белоруссия и

Украина, а летом 1940 г. – Прибалтика, Бессарабия и Северная Буковина. После каждого этапа в экстренном порядке перерабатывался мобилизационный план, что существенно влияло на организацию мобилизационных мероприятий в соответствующих военных округах. В условиях надвигающейся войны несвоевременно происходил переучет военнообязанных. В новообразованном Прибалтийском военном округе, например, его планировалось осуществить только в ноябре 1941 г. [1, С. 75]. Таким образом, мобилизация в Прибалтике и Бессарабии, по словам Начальника Генерального Штаба Г.К. Жукова, «могла быть проведена только распорядительным порядком» [Цит. по: 1, С. 71].

Присоединение новых территорий привело к вполне естественному, на первый взгляд, желанию военных руководителей страны переместить на запад укрепленные районы. Однако реализовывать данное крупное предприятие предстояло уже в самый разгар Второй мировой войны, которая, по всеобщему убеждению, уже в скором времени неминуемо должна была охватить и Советский Союз. Сам Сталин крайней датой ставил 1943-й год, и даже при таком варианте развития событий строительство новых укрепрайонов при разукомплектовании старых выглядело авантюрой. Система оборонительных сооружений на старой границе создавалась с 1927 г. и к 1939 г. насчитывала 13 УРов, имевших длину по 48-140 км и уходивших в глубину на 1-2 км [1, С. 32]. Несмотря на ряд недостатков, включавших в себя слабое артиллерийское вооружение при преобладании пулеметного, в случае сохранения данные УРы могли существенно замедлить наступление немцев. Характерно, что именно артиллерию по совету маршалов Ворошилова и Кулика, вопреки протестам Жукова и Тимошенко, снимали со старых укрепрайонов.

Кроме того, создание УРов на новой границе требовало не только вооружения за счет старых, но и собственно строительства оборонительных сооружений за счет войск. Руководители военных округов вынуждены были передать на важнейшую стройку 17 автомобильных батальонов, что не могло

не сказаться на состоянии материально-технического обеспечения войск, их мобильности, боевой подготовке.

Форсированное укрепление новых западных рубежей СССР в ущерб прежним было ошибочным и в связи с проблемами транспортной инфраструктуры. Особенно тяжелая ситуация складывалась на ленинградском и московском направлениях предстоящего удара противника. Исключительная важность железных дорог на западном ТВД исторической России была продемонстрирована еще во время Восточно-Прусской катастрофы. Прошло почти четверть века, а проблема эта сохранилась: ни Литва, ни Польская республика за двадцать межвоенных лет не успели сколь-нибудь существенно увеличить пропускную способность железных дорог в данном регионе.

Таким образом, Советский Союз вместе с новыми территориями унаследовал и их транспортные проблемы: слабую шоссейно-грунтовую и железнодорожную сеть, что существенно влияло на безопасность западных рубежей. По сообщениям Н.Ф. Ватутина, занимавшего должность 1-го заместителя начальника Генерального штаба по оперативным вопросам, пропускная способность железных дорог в Восточной Пруссии в направлении Литвы составляла около 220 поездов в сутки, а в самой Литве – 84 поезда. В Западной Белоруссии и Украине имелось «почти вдвое меньше железнодорожных линий, чем у противника» [4, С. 216].

Кроме того, СССР получил и такую проблему, как узкая колея. Независимые уже на протяжении двадцати лет Польша (уже к 1929 г.!) и Литва успели полностью перестроить все свои железные дороги на европейскую колею. Немедленной перестройке на общую русскую колею, заручившись поддержкой Сталина, воспрепятствовал нарком путей сообщения Л.М. Каганович. Причина оказалась прозаической: огромный унаследованный от поляков, литовцев и румын (в Бессарабии) паровозный (и вагонный) парк, насчитывавший почти пять тысяч локомотивов, в случае переделки колеи становился непригодным.

В полной мере почти катастрофическую ситуацию с транспортной сетью осознавал командующий Западным особым военным округом Д.Г. Павлов, убежденный в том, что «состояние шоссейных, грунтовых и железных дорог в пределах БССР совершенно не обеспечивает потребностей ЗапВО». В донесении от 18 февраля 1941 г. он также отметил: «Считаю, что западный театр военных действий должен быть обязательно подготовлен в течение 1941 года, а поэтому растягивать строительство на несколько лет считаю совершенно невозможным». К донесению прилагались требования построить более 800 км. железных дорог, свыше двух тысяч километров шоссейных дорог, отремонтировать 570 км. «наиболее разрушенных участков» и т.д. [Цит. по: 4, С. 218].

Важнейшие железнодорожные магистрали успели перестроить на широкую колею всего за два месяца до начала войны, но значительная часть рокадных и ряда второстепенных дорог оставалась «европейской». В частности – рокады через белорусское и украинское Полесье, что в самом начале войны привело к невозможности более или менее оперативно скорректировать войсковую группировку на Западном фронте, перекинув часть войск с Юго-западного фронта. При этом «родной» колеей воспользовались немцы, наладив снабжение своих войск.

Итак, возвращение бывших российских окраин в состав Большой страны под названием СССР принесло ряд трудностей. Тем не менее несомненны большие стратегические выгоды новых приобретений. С началом войны немцам предстояло преодолевать территории бывшего «буфера» – бывших лимитрофов. Преодолевать с боями. Нельзя не согласиться с И.В. Сталиным, который в письме к Черчиллю от 19 июля 1941 г., признавая сложность положения, отметил, что оно было бы еще тяжелее, если бы Красная Армия не встретила вермахт на рубеже Кишинев-Львов-Брест-Каунас-Выборг.

Особую ценность с этой точки зрения представляла Прибалтика, присоединение которой в западной и частично в отечественной историографии принято именовать «оккупацией». Литва при этом обрела

крупнейший город, сделав его своей столицей. Не углубляясь в данную тему, следует подчеркнуть, что в 1939-1940 гг. решалась судьба не только крошечных лимитрофов, но и самой большой континентальной страны. В случае перехода прибалтийских республик в сферу интересов гитлеровской Германии, до Ленинграда немцам предстояло преодолеть не 700 километров, благодаря советской «оккупации» Литвы, Латвии и Эстонии, а 130 километров. Удар группа армий Север наносила бы не из Восточной Пруссии, а из района Нарвы на Кингиссеп. Все это, наряду с размещением в бывших землях Ливонского ордена аэродромов, как минимум означало бы потерю Ленинграда.

Немцы вышли к Кингиссепскому УРу только 16 августа. Хотя даже немецкий генерал Типпельскирх впоследствии в своем труде написал: «Прибалтийские страны рассматривались русскими только как политически ненадежное предполье, в котором они не предполагали вести решительной обороны». [5, С. 247]. Однако другие укрепленные районы на старой границе встретили гитлеровские войска значительно раньше. Западную Белоруссию немцы буквально прошли за несколько дней, Западную Украину – за две недели, Бессарабию (совместно с румынами) – почти за месяц.

Происходило это при всех грубых стратегических просчетах советского командования, но, тем не менее, свою роль в отодвигании выхода противника к жизненно важным регионам Советского Союза к осени и зиме, присоединенные в 1939-1940 гг. земли сыграли.

Грубый же просчет советское военное руководство допустило, переоценив выгоды приобретения новых территорий и конфигурации новой государственной границы.

Очевидно, что советская дипломатия выглядела на порядок прагматичнее царской дипломатии начала XX в. Не связывая себя никакими военными, всегда вредными для исторической России, союзами, СССР бескровно (если не считать боевые стычки во время Польского похода) вернул важные западные земли с 23-миллионным, в основном русскоязычным,

населением, существенно улучшив геостратегическое положение. Германия, пусть и на неопределенное время, удерживалась от агрессии на СССР, а отношения с западными державами не скатились в военную конфронтацию. Избавившаяся от болезни донкихотства историческая Россия уже не могла стать игрушкой в руках Великобритании и Франции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. 1941 год – уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992.
2. Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1978.
3. Вторая мировая война: В 6 т. / Уинстон Черчилль. М.: Терра, 1997.
4. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002.
5. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999.

REFERENCES:

1. 1941 – lessons and conclusions. M.: Military Publishing, 1992.
2. Vasilevsky A.M. The work of a lifetime. Moscow: Politizdat, 1978.
3. World War II: In 6 volumes / Winston Churchill. M.: Terra, 1997.
4. Zhukov G.K. Memories and reflections. In 2 vols. M.: Olma-Press, 2002.
5. Tippleskirch K. History of the Second World War. St. Petersburg: Polygon; M.: AST, 1999.

Домнин Артем Игоревич

кандидат исторических наук

научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований)

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

123001, г. Москва, Б. Садовая ул., д. 14.

hartwood@yandex.ru

Domnin Artem Igorevich

Candidate of Historical Sciences

Research Officer at the Research Department (military-humanitarian research)

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

B. Sadovaya ul., d.14, Moscow, Russia, 123001

5.6.1. Отечественная история.